

КОНТИНЕНТ 55

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

Социалистические нации равны.
И на просторах солнечной страны
Ворует славянин, еврей, грузин



Уж семьдесят
почти что лет
и зим.
Пускай нас это не
волнует,
Пускай крадут,
пускай воруют.
России слава не в
богатстве,
А в равенстве
людей и братстве.
Владимир Уфлянд

Сегодня любая идеология неэффективна, так как время опережает события и каждое поколение имеет свое отношение к происходящему и свои проблемы. Поэтому нашему поколению необходима своя революционная теория и идеология. Теория с ее разрушительной и конструктивной частями.



Г. Константинов

Что особенно поражает в процессе массовой перестройки архитектурной психики, так это не столько скорость, сколько глубина и искренность. Можно, конечно, не доверять чувству гордости, с которым хитроумный и не обремененный предвзятыми художественными концепциями Щусев заявлял,



что в его работе над гостиницей «Москва» «...представители правительства принимали самое активное участие, и по их указаниям мне приходилось неоднократно переделывать самые существенные детали». Архитектурную молодежь, похоже, удалось купить за так.

Дмитрий Хмельницкий

Не было ни знаменья, ни видения, ни
голоса. Ни кометы, ни трубного гла-
са, ни рыбного дождя. Всё было



крайне буднично. Но все равно
Но высоко-высоко, в невообразимом эфире пошептавшись, перестроились планеты. Кто обратил внимание на такую ерунду! А уж Витька тем более. Хотя это и были его планеты.

Виктор Кондырев

Монополия тоталитаризма на «гласность» и «перестройку» является менее жесткой, чем на остальное...

Но все равно остается монополией, что и гарантирует названным акциям полный провал. Если, разумеется, государство не пересмотрит в корне свое отношение к свободной мысли

Валерий Сендеров



КОНТИНЕНТ

**Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал**

55

**Издательство «Континент»
1988**

Памяти Виктора Платоновича Некрасова

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Не было ни знамения, ни видения, ни голоса. Ни кометы, ни трубного гласа, ни рыбного дождя. Всё было крайне буднично. Но высоко-высоко, в невообразимом эфире пошептавшись, перестроились планеты. Кто обратил внимание на такую ерунду! А уж Витька тем более. Хотя это и были его планеты. И судьба его с этого мига, повинувшись космической воле, начала постепенно закручиваться в спираль, энергично гримасничать, вибрировать и краснеть от натуги. Она готовила себя к перелому.

Ну, а Витька? Он брел по перрону Киевского вокзала и прикидывал варианты. Денег не было. То есть абсолютно не было, даже пятака. Все было прогулено в Москве, а последняя трешка была заплачена проводнику за проезд до Киева. В авоське было только пахнущее псиной вафельное полотенце и полкоробки зубного порошка.. Одет он был модно, но грязно – надежда на продажу барахлишка исключалась. Хотелось есть. Было 28 августа 1962 года.

Подобрав бычок почище и пожирнее, Витька закурил и безвольно, под предлогом, что надо подумать, развалился на вокзальной скамейке. Судьба его плюнула в сердцах – апатия подопечного ее раздражала. «Балбес, балбес, – выходила она из себя, – да глянь ты хотя бы туда!» И подтолкнув Витьку, ткнула перстом в сторону. Он повернул голову и опешил. Возле монументальной урны стояли четыре большие, по 17 копеек, бутылки. Душа его возликовала, развернула знамена, ударила в барабан. Под этот барабанный бой Витька пересек

привокзальную площадь, сдал бутылки и немедленно выпил кружку пива. Купил папирос. Жизнь стала несравненно лучше.

Подсел человек, явно ханыга, и, одарив слабоумной улыбкой, попросил папиросу. Витька угостил. Расчувствовавшись, человек предложил съездить в центр, походить по местам, где люди выпивают, посшибать пустые бутылки.

Витька взглянул на него надменно и промолчал. Мысль была дельная, но компаньон не внушал доверия. «Да что бутылки, – загорелся своей идеей человек, – вполне может, что и угостят. Я вот сегодня оприходовал утром стакан. Люди налили, в скверике, возле Пассажа».

Витька вздрогнул и посмотрел судьбе в глаза. Та довольно прищурилась – мол, наконец-то, дошло до тебя, недотепы.

Пассаж! Да там же Некрасов живет, писатель. Сколько мама рассказывала, написать ему надо, все говорила, а то и заехать. Когда-то дружили, в театре когда-то работали. А сейчас он знаменитость, «В окопах Сталинграда» написал, а дома у него даже домработница. Лет пять назад заезжала мать к ним, не застала, на курорте, сказали, был.

Вспоминая мамины слова, Витька открыл записную книжку. Есть! Некрасов В. Виктор, а по отчеству? Неизвестно, ну да и хрен с ним! Он подбежал к будке, набрал номер и вспомнил вдруг о Боге. Господи, хотя бы дома был, Господи, а то писатели эти знай по курортам шастают, Господи! – молитвенно пришептывал, считая телефонные гудки. На четвертом трубку сняли: «Да!» – «Здравствуйте, это сын Галины Викторовны, помните ее? Я вот в Киев случайно попал, да уехать не могу, не одолжите ли на билет?» – «Ну, зайди. Часам к восьми, – писательский голос звучал даже как-то дружелюбно. – В Пассаж, номер 15. Ты знаешь, что такое пассаж?» – «Знаю, знаю, спасибо, извините, если бы не та-

кая ситуация, я бы не позволил себе...». – «Ладно, заходи».

В уборной на вокзале Витька набил рот зубным порошком, пальцем почистил зубы, умылся, но вытираться не стал – боялся завоняться от полотенца. Но и выбрасывать было жалко. Поаккуратней завернул его в газету, сунул под мышку, посмотрел в зеркало. Небритый, потный, весь мятый. Огорчился – с такой мордой самое большое пятерку можно просить. Да и то, даст ли еще?

Хотелось прийти по-джентльменски, ровно в восемь, как назначено. И у Пассажа был заранее, за час. Рядом с аркой, возле гастронома, кипела малознакомая, столичная жизнь. Одетые, видимо, по-заграничному парни кучковались, переговаривались, банковали. Некоторые суетились. Выходившие уже с бутылками из магазина вели себя сдержаннее, как бы никуда не торопились, не спеша уходили группками. Самодовольные, уверенные в том, что выпьют, мужики вызывали зависть. Витьке стало невмоготу. А времени – всего полвосьмого. Но тут опять не выдержала судьба, психанула: «Что ты, козел, махорку трусишь?! Иди уже, иди!»

Она знала, судьба, о чем говорила. Витька застал писателя на пороге, закрывающего на ключ дверь. Рядом стояла маленькая старая женщина в пенсне, подореволюционному в длинном платье и соломенной шляпе. Писатель бойко поглядывал и, спускаясь по лестнице, расспрашивал – где живете? как мать? а где отец? Внизу приостановились. «Ты извини, мы на концерт идем. Сколько тебе нужно?» Сердце заухало, ярко представилась суета возле гастронома, от приступа наглости заложило уши. Деловым, в меру просящим голосом Витька сказал: «Тридцать рублей, если можно...» И потупил глаза, дескать, обстоятельства заставляют потревожить, что поделаешь, так бы никогда не посмел... Писатель достал деньги, можно сказать даже пачечку, отсчитал и протянул: «Держи. Если негде бу-

дет спать, приходи». Мама писателя приветливо улыбнулась, покивала головой, да-да, приходите, вам решительно нечего стесняться... Витька расшаркался покавалергардски, уверил ее, что непременно, спасибо великое. С достоинством пожал руку писателю, мол, благодарю еще раз, в ближайшее время верну... «Ладно, ладно, валяй, веселись!» – ответил тот с улыбкой. И они медленно пошли в сторону Крещатика, под руку, чинные, все в белом, но писатель почему-то в ветхих сандалетках без носков. Витька же боком-боком, через скверик, в магазин «Вино», и взял стакан роскошного портвейна «Пино-гри»...

Знакомство состоялось. Судьба осталась довольна. Но откуда было знать ей, простой провинциальной судьбе, о чем шептались, перестраиваясь, планеты? Откуда было знать им, Витьке и его судьбе, что в эти минуты все начало поворачиваться по-другому, по невысказанной, невероятной, фантазмагорической траектории, по какой-то поразительной, нерукотворной кривой, с грядущими кошмарными потрясениями и неземными радостями...

Произошло это ровно двадцать пять лет назад.

28 августа 1987 года

КОНДЫРЕВ Виктор Леонидович – родился в 1939 г. в Ростове-на-Дону. Горный инженер. С 1976 г. живет в Париже. За книгу «Сапоги – лицо офицера» получил премию им. Даля за 1985 год.